

Когнитивные науки в информационном обществе / Cognitive Sciences in the Information Society <https://knio.ru/>

2023, Том 3, № 4 / 2023, Vol. 3, Iss. 4 <https://knio.ru/issue-4-2023.html>

URL статьи: <https://knio.ru/PDF/04KN423.pdf>

5.5.2. Политические институты, процессы, технологии

Ссылка для цитирования этой статьи:

Лескова, И. В. Информационная война — основной элемент гибридной войны / И. В. Лескова, И. А. Уваров // Когнитивные науки в информационном обществе. — 2023. — Т. 3. — № 4. — URL: <https://knio.ru/PDF/04KN423.pdf>

For citation:

Leskova I.V., Uvarov I.A. Information warfare is the main element of hybrid warfare. *Cognitive Sciences in the Information Society*. 2023; 3(4): 04KN423. Available at: <https://knio.ru/PDF/04KN423.pdf>. (In Russ., abstract in Eng.)

Лескова Ирина Валерьевна

ФГБОУ ВО «Российский государственный социальный университет», Москва, Россия
Заведующий кафедрой «Политологии и прикладной политической работы»
Доктор социологических наук, кандидат политических наук, профессор
E-mail: leskova.i@yandex.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6083-6692>

РИНЦ: https://elibrary.ru/author_profile.asp?id=510760

WoS: <https://www.webofscience.com/wos/author/rid/AAC-8948-2020>

SCOPUS: <https://www.scopus.com/authid/detail.url?authorId=56610215200>

Google Академия: <https://scholar.google.com/citations?user=BfYOFYMAAAAJ>

Уваров Игорь Алексеевич

ФГКОУ ВО «Краснодарский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации»
Ставропольский филиал, Ставрополь, Россия
Доцент кафедры «Уголовного права и криминологии»
Кандидат юридических наук, доцент
E-mail: uvarov.igor@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2678-7505>

РИНЦ: https://elibrary.ru/author_profile.asp?id=456707

Информационная война — основной элемент гибридной войны

Аннотация. Сложившаяся после разрушения биполярного мира ситуация, потребовала изменения характера межгосударственного противостояния. Государства, претендующие на место лидеров в международной политике, вынуждены были искать новые средства нанесения урона государству-противнику. Поиск затруднялся тем, что прямое военное столкновение, стало невозможным. Отсюда приоритет в межгосударственной борьбе был отдан средствам информационного воздействия на государство-мишень (потенциальную жертву). Среди наиболее приемлемых с точки зрения неконвенционального воздействия были предприняты меры по организации и осуществлению массированного информационного воздействия. В литературе, такого рода действия, стали определять, как — «информационная война». В тоже время представители военного ведомства США, предпринимали попытки теоретического обоснования не только ведения информационного воздействия, на государство-жертву, но и поиск иных средств, позволяющих усилить эффект информационного воздействия. В результате, совокупная система воздействия неконвенционального воздействия на противоборствующее государство, учитывая смешанный характер применяемых средств, получило наименование — «гибридная война». В работе рассматриваются понятия

«информационная война» и «гибридная война» используемые в отечественной и зарубежной литературе. Рассмотрены условия развития современных видов неконвенциональных войн. Раскрыто понятие информационной войны как основного элемента гибридной войны. Установлены основные характеристики и проблемы изучения новых видов войн. Автор, приходит к выводу о том, что в настоящее время информационная война является одним из фундаментальных элементов гибридной войны. Предполагается, что в ближайшем будущем роль информационной войны, в частности, как основного элемента гибридной войны, будет возрастать.

Ключевые слова: информационная война; гибридная война; неконвенциональная война; новые виды войн; государство-противник; государство; военное столкновение

Ситуацию в современном мире приятно сейчас оценивать, как нестабильную. Важными критериями здесь выступают многочисленные конфликты в разных уголках земного шара и как следствие снижение уровня международной безопасности. Причем это дает возможность авторам специализирующимся на такого рода конфликтах, говорить о кризисе существовавшего ранее миропорядка. Однако, соглашаясь в оценке современной международной ситуации, специалисты расходятся в определении ее природы. Полагаем, что можно выделить две наиболее расхожие позиции:

1. Существовавший на протяжении последних десятилетий однополярный мир, утратил способность регулировать процессы на международном уровне. Вследствие чего стали появляться новые «центры силы» [1]. Именно об этом говорил Збигнев Бжезинский в своих работах, посвящённых необходимости сохранения однополярного мира [2].
2. Отсутствие работоспособных механизмов соблюдения требований норм международного права. Мы понимаем, что его наличие, всегда было предметом серьезных споров, причем не только на межгосударственном уровне, но и на уровне международных институтов. В тоже время, мы склонны говорить о том, что независимо от этого, их авторитет был довольно высок [3].

Сложность современной ситуации, связан еще и с тем, что прошедший XX век, был наполнен глубокими трансформационными процессами, которые привели к развитию ядерного вооружения, глобализации, формированию гражданского общества и т. п. Все это стало рассматриваться в качестве основных условий, которые могут служить препятствием для вооруженного межгосударственного противостояния. Система ядерного сдерживания, рассматривалась как панацея в обеспечении государственного суверенитета. Однако, это не устраняло концептуальных противоречий, которые были заложены во времена биполярного мира. Напротив, подспудно эти противоречия не только продолжали существовать, но они и рассматривались в качестве базовой основы изменения тактических подходов ведения нетрадиционных форм «войны». Одной из таких войн получила в специальной литературе название — «гибридной» (от латинского *hibrida, hybrida* — помесь). Данное понятие стало активно использоваться в литературе, относительно недавно. Его авторство приписывают североамериканскому военному специалисту Френку Г. Хоффману [4]. Генезис данной формы невоенного межгосударственного противостояния до настоящего времени считается малоизученным что актуализирует различные направления научных исследований в этой области.

Объемность предложенного Ф.Г. Хоффманом термина, было связано с тем, что его предшественники, понимая суть противоречий, которые объективно существуют между государствами с разной социально-политической системой, всегда будут находиться в

противостоянии. И наличие разных концептуальных подходов к обоснованию качественного состояния их систем, напрямую связано с характером информационного воздействия на противоборствующую сторону. Именно поэтому, когда для всех стало очевидным невозможность с помощью конвенциональных военных действий разрешение межгосударственных противоречий, основным средством стало информационное воздействие. Для того, чтобы подчеркнуть то упорство, с которым государства противостоят друг другу в информационном поле, североамериканский физик Томас П. Рона предложил использовать специальный термин — «информационная война» («information warfare») [5]. Для справки, авторство Рона, не оспаривается только в России [6]. В зарубежных изданиях указывается другой автор новостной репортаж — Дейл Майнор, которая еще, в 1970 году опубликовала книгу под названием «Информационная война» [7].

Уже в тот период времени, разработчикам новых форм ведения войны, было очевидно, что характер информационного воздействия разных государств существенно отличался, в следствие чего данное понятие получило и разную трактовку. Если не останавливаться на всей палитре предлагаемых вариантов, считаем приемлемым для нашего исследования, в качестве инструментальных рассматривать два методологических подхода, где информационная война является:

1. Полноценным самостоятельным видом межгосударственного противостояния [8].
2. Основным элементом гибридной войны [9; 10].

По мнению известного отечественного специалиста в области информационной войны, профессора И. Н. Панарина, в условиях технологического прогресса использование в военных целях различных информационных возможностей является закономерностью [11]. Более того, если использовать информационное воздействие на фоне заметного ослабления международного сотрудничества, вполне прогнозируемым будет нарушение баланса сил в системе миротворческих инициатив, что является «прямой дорогой» к глобальному противостоянию в геополитическом пространстве.

В этой связи, качественная оценка современного значения информационной войны в межгосударственном противостоянии, приобретает совершенно иное значение. Без ее возможностей, трудно представить реализацию целей, определяемых современным состоянием — гибридной войны. Анализ научных изысканий в этой области зарубежных и российских ученых позволяет говорить о том, что наиболее приоритетными в этой области являются два самостоятельных направления исследований:

1. Определение общей характеристики современного потенциала информационного воздействия, с тем, чтобы использовать их в качестве специфического явления — «информационная война».
2. Установление признаков, позволяющих определять «информационную войну», как основной элемент ведения «гибридной войны».

Мы не случайно в самом начале указали на то, что в современных условиях, происходит закономерная трансформация (модификационные процессы) представлений о формах ведения «войн», где приоритет отдается новым — «нетрадиционным» средствам. Поэтому в XXI веке особое значение, в системе межгосударственного противостояния отводится «информационной войне». Стоит согласиться с мнением известного отечественного специалиста в этой области А.В. Манойло, утверждающего, что в современных условиях это явление стало одним из привычных факторов окружающей нас действительности [12].

Существующая тенденция, распространённости этого явления детерминирована сложившейся в современном мире глобализацией информационных процессов. Активно развивающиеся в последние десятилетия информационные технологии привели к повсеместной цифровизации всех сфер социально-политических отношений. Отсюда столь высокая востребованность у различных международных акторов в достижении своих целей приемов и методов осуществления информационного воздействия в отношении своих оппонентов. Современная внешняя политика для большинства государств не может быть эффективной без соответствующего информационного «инструментария».

Сегодня сложно представить, что современные международные отношения реализуются без тех или иных элементов информационного противоборства. И если раньше можно было говорить о том, что данная проблематика имеет определенную актуальность для разрешения межгосударственных противоречий, то на сегодняшний день она проявляется наиболее «остро». Перманентный процесс глобализации с помощью современных цифровых технологий выводит данное направление «гибридной войны» на более высокий качественный уровень. Наличие диалектической взаимосвязи между развитием информационных коммуникаций и технологий осуществления с их помощью обмена информацией, определяет дальнейшее развитие специфических форм межгосударственного противоборства. Именно поэтому, в XXI веке информационная война становится одним из самых востребованных средств разрешения спорных ситуаций в международной политике наиболее технологически развитых государств. Есть и другое объяснение востребованности информационных средств противоборства — они не нарушают норм международного гуманитарного права. Международное законодательство построено так, что нормы регулирующие средства и методы ведения войны в информационном пространстве, применяются исключительно в период ведения вооруженного конфликта [13, с. 45].

Сложность задач, решаемых государством посредством механизмов ведения нового типа войны, влияют и на выбор необходимого для этого средств. В отечественной литературе, достаточно авторов, которые предпринимают попытки разобраться в эффективности наиболее доступных из них:

1. Распространение дезинформации [14].
2. Пропаганда и контрпропаганда [15].
3. Ложь о политических процессах вне зависимости от государственной принадлежности [16].
4. Скрытие политически и социально-значимой информации [17].
5. Отвлечения внимания граждан от социально и политически значимой информации другими, менее значимыми инфо-поводами [18].

Большинство авторов склонны рассматривать «информационную войну», в качестве одно из элементов (как правило основного) «гибридной войны». Как видно из приведенного перечня, исследований в области различных средств информационных войн проводится довольно много. В тоже время, в литературе нет единого понимания этого явления, как элемента «гибридной войны». На наш взгляд, это обусловлено следующими проблемными вопросами:

Во-первых, до настоящего времени, отсутствует единообразный подход, для доктринального определения самого понятия — «гибридная война». Достаточно сказать, что для характеристики этого феномена, используют различные словосочетания:

- «нелинейная война» [19];
- «нетрадиционная война» [20];
- «война нового поколения» [21];
- «информационная война» как синоним «гибридной» [22].

Последнее положение определяет то, что можно представить, как — **во-вторых**. До настоящего времени исследователи так и не пришли к единому пониманию того, что представляет собой — «информационная война». Причем дискуссия, по сути идет по двум самостоятельным направлениям — терминологическом и содержательном. Оба этих подхода, на наш взгляд, являются определяющими в том, как коррелируют между собой эти два явления. В предыдущем пункте, мы отметили, что существует позиция, что эти понятия синонимичны (равнозначны по своему содержанию). В тоже время, довольно большое количество исследователей предлагают рассматривать информационную войну как:

- 1) «базис гибридных войн» [23];
- 2) «элемент гибридной войны» [24];
- 3) «один из способов ведения гибридной войны» [25];
- 4) «инструмент современной гибридной войны» [26];
- 5) «информационная составляющая гибридных войн» [27];
- 6) «информационные технологии гибридных войн» [28].

Приведенные мнения, показывают «широту» той научно-теоретической дискуссии, которая демонстрирует актуальность проблемы соотношения понятий «гибридная война» и «информационная война», где последней хотя и отводится роль составной части, все же не лишенной определенной доли самостоятельности.

В-третьих, отсутствуют четкие критерии позволяющие определять «границы» между «традиционной» («конвенциональной») и «нетрадиционной» («не конвенциональной») — «гибридной войной» [29]. Ключевым моментом, для большинства исследователей, здесь является механизм целеполагания, который определяет и совокупность используемых для их достижения средств [30]. Не случайно, в системе информационного воздействия на государство-мишень, суть «гибридности» заключается в его отрицании как факта [9]. Так, если в условиях традиционной войны механизм целеполагания определяется захватом территории или населения, то и действия государств-агрессора, носят вполне очевидный характер. В гибридной войне, цели определяются совершенно по-иному — дезорганизация военного и государственного управления, лишает возможности к сопротивлению [30]. При этом государство, которое подвергается гибриднему воздействию по инерции все еще существует. Однако, перспектива его разрушения уже предreshена теми целями, которые ставило перед собой государство-агрессор. На наш взгляд, сложность здесь заключается в том, что отсутствуют критерии «победы» в такой войне, что и детерминирует дискуссионность определения «границ» между «традиционностью» и «нетрадиционностью» гибридной войны.

В-четвертых, в отличие от «традиционной» в гибридной войне, нет четких временных пространственных «рамки» ее ведения. Это напрямую «вытекает» из предыдущего пункта. Если целью является система государственного и военного управления, то воздействие на эти институты, могут осуществляться на разных уровнях:

- двусторонние отношения с государством-агрессором;
- многосторонние отношения с группой государств, которые либо поддерживают государство-агрессора в его действиях, либо напрямую участвуют в них;

- разносторонние отношения, обусловленные участием государств-мишени в различных международных институтах.

В-пятых, по уровню акторов участвующих в разрушении управленческой системы государства-мишени. Еще в начале теоретических изысканий в выборе средств гибридной войны, ее авторы, предложили в качестве самостоятельного субъекта использовать некие «оппозиционные» структуры внутри государства-мишени [4]. Отсюда и возможная классификация таких субъектов на:

1. Внешние — аффилированные с государством-агрессором либо с теми государствами, которые выступают на его стороне (межгосударственный уровень).
2. Внутренние — государственные и негосударственные (оппозиционные) объединения (внутригосударственный уровень).

Здесь обращает на себя внимание тот факт, что структурам, наделённым полномочиями, осуществлять государственную безопасность, очень сложно идентифицировать деятельность определенных негосударственных объединений, как акторов гибридной войны. Поскольку мотивация участников и организаторов антигосударственных действия в разных субъекта страны носит вариационный характер (политический, экономический, социальный и т. п.) [31].

В этой связи, важным на наш взгляд является то обстоятельство, что авторы концепции гибридной войны, изначально «закладывали» в ее содержание деятельность так называемых «повстанческих движений». Интерес к их деятельности возник в период «всплеска международного терроризма» [4]. Учитывая широкий общественный резонанс каждой террористической акции, теоретики из военного ведомства США, высказали предположение о том, что действия «повстанцев», могут иметь положительный эффект для государств, с которым находится в конфронтации государство-мишень [32]. Поэтому, вектор использования любых информационных поводов, позволяющих негативно воздействовать на другое государство, сразу стал рассматриваться в рамках военно-стратегического мышления [33].

Так, по мнению Френка Г. Хоффмана, деятельность негосударственных акторов может осуществляться с помощью специально созданной иерархичной политической структуры, включающей в себя различные структурные элементы, работа которых направлена на достижения четко определенной цели. Причем ее достижение определяется не только на физическом, но и на психологическом уровне «боевого столкновения» [4]. Причем цитируемый автор, четко определяет, не конвенциональный характер такого противостояния, что позволяет государству-агрессору «маскировать» конкретность (реальность) своих целей.

Здесь на наш взгляд, и содержится тот признак, который позволяет нам оценивать информационную войну, в качестве основного средства ведения гибридной. Если в системе средств гибридной войны, могут использоваться их комбинации:

- 1) политических;
- 2) военных;
- 3) экономических;
- 4) социальных;
- 5) информационных [34; 35].

В других работах отечественных и зарубежных авторов приводится и другие виды средств, которые по содержанию соответствуют приведенным, но отличаются лишь терминологическими формами. Иногда авторы, прибегают к определению оснований для их

классификации, и тоже, по сути, приходят к этому же перечню. Это, на наш взгляд, можно рассматривать, как «мнимая дискуссионность», где по сути речь идет о терминологической упорядоченности. Именно поэтому, мы предполагаем, что приведенная выше типология средств гибридной войны, сделанная нами на основе работ Рассела Гленна и Джона Дж. Маккуэна, является более приемлемой с точки зрения определения значения информационной войны, как средства гибридной.

Ключевым здесь является утверждение, о том, что все эти средства могут и должны применяться «комбинировано». Это, в свою очередь позволяет варьировать не только их совокупность в зависимости от контурных целей, но и «уточнять эти цели», как справедливо указывает в своей работе Д.Ф. Алиев [33]. Кроме того, учитывая, что ни одно из этих средств, не может быть применимо без соответствующего информационного сопровождения, говорит о том, что такого рода «сопровождение» и является залогом его эффективности. И наоборот, эффективность любого из этих средств определяется тем, как оно информационно представлено.

Это же значение информационной войны, мы находим и в работах ведущих отечественных специалистов этой области. В частности, мы говорим о профессорах И.Н. Панарине (Дипломатическая Академия МИД России) и А.В. Манойло (Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова). На протяжении многих лет, эти специалисты исследуют различные аспекты информационной войны. В следствие чего, они предлагают свои варианты ее определения:

Таблица 1

Варианты ее определения «информационной войны»

И.Н. Панарин	А.В. Манойло
Способ создания системы управления информационными потоками в целях организации ноосферы и мирового информационно-психологического пространства в своих интересах [11, с. 6]	Особый вид вооруженного конфликта, в котором столкновение сторон происходит в форме информационных операций с применением информационного оружия [12]

Составлено авторами

Из приведенных в таблице 1 определений видно, что несмотря на разницу в терминологических конструкциях, авторы, по сути, делают основной «упор» на информационную составляющую воздействия на противоборствующую сторону. Авторы говорят о том, что противоборствующие стороны ведут «особый вид вооруженного конфликта» «с применением информационного оружия» «в целях организации ... мирового информационно-психологического пространства». Содержание, этих «информационных операций», может включать в себя любые из приведенных в работах Рассела Гленна и Джона Дж. Маккуэна средствах, т. к. «столкновение сторон» происходит «в своих интересах». Отсюда и сходство в представлениях отечественных специалистов в конечной цели такого рода войны:

Таблица 2

Сходство в представлениях отечественных специалистов в конечной цели «информационной войны»

И.Н. Панарин	А.В. Манойло
Полная или частичная дезинтеграция государства для достижения качественной трансформации и полного изменения его внутри- или внешнеполитического курса [11, с. 12]	Сломать волю противника к сопротивлению и подчинить его сознание своей воле [12]

Составлено авторами

Если исходить из той типологии целей гибридных войн, которую предложил Д.Ф. Алиев [33], то приведенные в таблице 2 цели информационной войны — совпадают. Разве «полная или частичная дезинтеграция государства» не способствует тому, чтобы «сломать волю противника к сопротивлению»? А «подчинение его (государства-жертвы) ... своей воле», которое приведет к «качественной трансформации и полному изменению его внутри- или внешнеполитического курса», не является результатом применения информационного воздействия? Это же вывод, делает в своей работе и А.В. Манойло: «высокая активность информационных операций и расстерянность большинства государств на операции информационной войны, делают ее одним из основных элементов современных гибридных вооруженных конфликтов [12].

Здесь обращает на себя внимание тот факт, что в конечном итоге и зарубежные и отечественные специалисты исследующие «информационные» и «гибридные» войны, сходятся во мнении, что они не могут существовать друг без друга. Информация является важнейшим и эффективным элементом любого межгосударственного противостояния и то, что называют «гибридной войной», не является исключением. Отсюда ее столь высокая востребованность в современном глобальном противостоянии государств с необходимым для этого потенциалом. Информационные средства применяемые в комплексе с другими средствами ведения «нетрадиционной» войны будут развиваться и применяться различными государственными образованиями для достижения своих стратегических целей.

Таким образом, основным элементом современной гибридной войны, является ее информационная составляющая. Без которой реализация планируемых государством-агрессором целей в условиях столь активно развивающихся коммуникативных технологий не может быть эффективной. Учитывая международное давление, которое сейчас осуществляется в отношении нашей страны, необходимость исследований в области информационной составляющей гибридной войны нуждается в дальнейшем совершенствовании. Не принятие адекватных мер, а тем более игнорирование данной проблемы, могут привести к негативным последствиям не только для нашей страны, но и для всего мирового сообщества.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кузнецов, А.В. Разнообразие возможных центров силы нового мироустройства / А.В. Кузнецов // Политическая наука. — 2022. — № 4. — С. 107–120.
2. Бжезинский, З. Великая шахматная доска: господство Америки и его геостратегические императивы / З. Бжезинский. — М.: Междунар. отношения, 2009. — 278 с.
3. Кремнева, А.О. Роль ООН в современных международных отношениях / А.О. Кремнева, А.Ш. Дубина // Экономика и международные отношения: проблемы, тенденции, перспективы: сборник статей по материалам VI Всероссийской научно-практической конференции, Пенза, 20 мая 2022 года. — Пенза: Пензенский государственный университет, 2022. — С. 293–298.
4. Hoffman F.G. Conflict in the 21st century. The rise of hybrid wars. — Arlington: Potomac Institute for Policy Studies, 2007. — 72 p.
5. Rona Thomas P. Weapon Systems and Information War. Boeing Aerospace Co., Seattle, WA, 1976. — 50 p.

6. Барабаш, В.В. Информационная война: к генезису термина / В.В. Барабаш, Е.А. Котеленец, М.Ю. Лаврентьева // Знак: проблемное поле медиаобразования. — 2019. — № 3(33). — С. 76–89.
7. Dale Minor, Information Warfare. — Boston: Hawthorne Books Publishing House, 1970. — 300 p.
8. Батурина, Л.Л. Информационная война: история и определение / Л.Л. Батурина, С.Б. Стамбулов, А.А. Ускембаева // Евразийский союз ученых. — 2016. — № 1-3(22). — С. 163–166.
9. Уваров, И.А. Информационная составляющая гибридных войн / И.А. Уваров // Политконсультант. — 2021. — Т. 1. — № 3. — URL: <https://politicjournal.ru/PDF/06PK321.pdf>.
10. Горячева, А.И. Информационная война как элемент гибридной войны / А.И. Горячева, И.П. Мачнев // Скиф. Вопросы студенческой науки. — 2023. — № 5(81). — С. 168–172.
11. Панарин, И.Н. Информационная война и геополитика / И.Н. Панарин. — М.: Поколение, 2006. — 560 с.
12. Манойло, А.В. Информационная война и новая политическая реальность (I) / А.В. Манойло // Вестник Московского государственного областного университета. — 2021. — № 1. — С. 100–132.
13. Костенко, Н.И. Право международной информационной безопасности (становление, тенденции и проблемы развития) / Н.И. Костенко. — М.: Издательство «Юрлитинформ», 2019. — 464 с.
14. Нелюбин, Р.В. Дезинформация как оружие в информационной войне / Р.В. Нелюбин, С.В. Шевченко, А.С. Жабкин // Евразийский юридический журнал. — 2022. — № 4(167). — С. 402–403.
15. Носова, Д.Х. Пропаганда как основной инструмент в информационной войне / Д.Х. Носова, В.И. Давлетов // Государство и право в эпоху глобальных перемен: Материалы международной научно-практической конференции, Барнаул, 28–29 июня 2022 года / Под редакцией Д.Л. Проказина. — Барнаул: Барнаульский юридический институт МВД России, 2022. — С. 460–461.
16. Левковский, С.Е. Современные СМИ — циничная ложь или информационная война / С.Е. Левковский // Закон и общество: история, проблемы, перспективы: материалы XIX межвузовской студенческой научно-практической конференции (с международным участием), Красноярск, 09 апреля 2015 года. — Красноярск: Красноярский государственный аграрный университет, 2016. — С. 257–259.
17. Орлянский, В.И. «Военная хитрость», «информационная война» и другие понятия в свете результатов научных исследований и дискуссий / В.И. Орлянский // Военная мысль. — 2022. — № 12. — С. 39–51.
18. Фиронов, О.В. Современная информационная война и ее специфика / О.В. Фиронов // Youth World Politic. — 2015. — № 4. — С. 35–42.
19. Заяц, З.В. Конфликты в XXI веке: нелинейное видение / З.В. Заяц // Гуманитарные и социально-экономические науки. — 2016. — № 4(89). — С. 23–27.

20. Чмыхун, И.Н. Проблемное поле исследования нетрадиционной войны / И.Н. Чмыхун // Гуманитарные проблемы военного дела. — 2014. — № 1(1). — С. 96–98.
21. Сигида, Н.А. Войны нового поколения / Н.А. Сигида // Интеллектуальный потенциал XXI века: ступени познания. — 2010. — № 1. — С. 283–287.
22. Якимчук, В.В. Понятие гибридной и информационной войн в российской и зарубежной литературе / В.В. Якимчук // Скиф. Вопросы студенческой науки. — 2020. — № 8(48). — С. 161–167.
23. Евстафьев, Д.Г. Информационные войны и психологические операции как базис гибридных войн нового поколения / Д.Г. Евстафьев, А.В. Манойло // Электронный научно-образовательный журнал «История». — 2021. — Т. 12, № 6(104).
24. Горячева, А.И. Информационная война как элемент гибридной войны / А.И. Горячева, И.П. Мачнев // Скиф. Вопросы студенческой науки. — 2023. — № 5(81). — С. 168–172.
25. Некрасов, П.В. Информационные войны как один из способов ведения гибридной войны / П.В. Некрасов, А.В. Пайметов // Информационные войны: когнитивные и аксиологические аспекты: Сборник трудов Международной научной конференции, Новосибирск, 18–19 мая 2023 года. — Новосибирск: Сибирский государственный университет телекоммуникаций и информатики, 2023. — С. 193–198.
26. Боргоякова, Я.Р. Информационные войны как инструмент современной гибридной войны «мирных» демократических государств / Я.Р. Боргоякова, И.В. Игнатьева // Наука. Общество. Образование: Материалы Всероссийской НПК, Иркутск, 25 апреля 2018 года / Под общ. ред. Е.В. Барашевой. Том 1. — Иркутск: ООО «Сетевой институт дополнительного профессионального образования», 2018. — С. 29–32.
27. Романова, В.А. Информационная составляющая гибридных войн современности / В.А. Романова // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС. — 2015. — № 2. — С. 293–299.
28. Кандауров, Б.И. Информационные технологии гибридных войн / Б.И. Кандауров // IX Южно-российский политологический конвент «Лидеры, группы, массы: российская политика и вызовы современности»: Материалы Всероссийской конференции с международным участием, Ростов-на-Дону, 28–29 октября 2019 года. — Ростов-на-Дону: Издательство «Перо», 2019. — С. 96–100.
29. Алиев, Д.Ф. Конвенциональные технологии как элемент гибридной войны / Д.Ф. Алиев // Политконсультант. — 2022. — № 3. — URL: <https://politicjournal.ru/PDF/06PK322.pdf>.
30. Алиев, Д.Ф. Типология целей гибридных войн / Д.Ф. Алиев // Когнитивные науки в информационном обществе. — 2022. — № 4. — URL: <https://knio.ru/PDF/06KN422.pdf>.
31. Чихарев, И.А. Гибридная война: к проблеме политологической интерпретации / И.А. Чихарев, В.Ю. Бровко // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. — 2020. — № 5. — С. 67–84.

32. Кравченко, В.Б. Терроризм и информационные войны / В.Б. Кравченко // Информационная безопасность — актуальная проблема современности. Совершенствование образовательных технологий подготовки специалистов в области информационной безопасности. — 2017. — № 1(8). — С. 269–273.
33. Уваров, И.А. Большая стратегия в гибридной войне / И.А. Уваров // Устойчивое развитие: вызовы и перспективы: сборник материалов II Международного форума (20 апреля 2023 г.). — Ставрополь: Ставропольское издательство «Параграф», 2023. — С. 216–223.
34. John J. McCuen, «Hybrid Wars» // Military Review. — 2008. — March-April. — P. 107–113.
35. Glenn R.W. All Glory Is Fleeting: Insights from the Second Lebanon War. Santa Monica. Published by the RAND Corporation. — 2012. — P. 110–119.

Leskova Irina Valerievna

Russian State Social University, Moscow, Russia

E-mail: leskova.i@yandex.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6083-6692>

RSCI: https://elibrary.ru/author_profile.asp?id=510760

WoS: <https://www.webofscience.com/wos/author/rid/AAC-8948-2020>

SCOPUS: <https://www.scopus.com/authid/detail.url?authorId=56610215200>

Google Scholar: <https://scholar.google.com/citations?user=BfYOFYMAAAAJ>

Uvarov Igor Alekseevich

Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation

Stavropol branch, Stavropol, Russia

E-mail: uvarov.igor@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2678-7505>

RSCI: https://elibrary.ru/author_profile.asp?id=456707

Information warfare is the main element of hybrid warfare

Abstract. The situation that developed after the destruction of the bipolar world required a change in the nature of the interstate confrontation. States claiming to be leaders in international politics had to look for new means of inflicting damage on the enemy state. The search was complicated by the fact that a direct military clash became impossible. Hence, priority in the interstate struggle was given to the means of information influence on the target state (potential victim). Among the most acceptable from the point of view of unconventional impact, measures have been taken to organize and implement massive information impact. In the literature, this kind of action began to be defined as «information warfare». At the same time, representatives of the US military department attempted to theoretically substantiate not only the conduct of information influence on the victim state, but also the search for other means to enhance the effect of information influence. As a result, the cumulative system of non-conventional influence on the opposing state, given the mixed nature of the means used, has received the name «hybrid war». The paper examines the concepts of «information warfare» and «hybrid warfare» used in domestic and foreign literature. The conditions of the development of modern types of unconventional wars are considered. The concept of information warfare as the main element of hybrid warfare is revealed. The main characteristics and problems of studying new types of wars are established. The author concludes that information warfare is currently one of the fundamental elements of hybrid warfare. It is assumed that in the near future the role of information warfare, in particular, as the main element of hybrid warfare, will increase.

Keywords: information warfare; hybrid warfare; unconventional warfare; new types of wars; enemy state; state; military clash